

Борис ФАРАФОНТОВ

Ярославский прозаик, член Союза российских писателей. Имеет высшее юридическое образование. Главная тема его рассказов и повестей — жизнь русской природы, которую он хорошо знает и любит. Много ездил по стране, а потому каждый раз старается оттолкнуться от факта, как документальной основы повествования, полагая, что мудрее жизни ничего на свете быть не может.

Печатался в ярославских периодических изданиях, коллективных сборниках. Автор книги рассказов и очерков «Соловьиные дороги» (1999).

Музыкальные волки

Рассказ

Шел уже первый час ночи. Встреча молодой парочки, вопреки желанию девушки, затянулась. На улице стоял приличный мороз, в тесовой веранде, где они сидели, было чуть теплее, но Галина и Саша холода не замечали.

Когда часы в избе за стеной пробили час ночи, девушка решительно встала.

— Пора домой, Саша! Пожалей себя и меня. Тебе еще три километра топать, а мне от матери каждый раз упреки выслушивать.

Она вышла со своим спутником на улицу и ахнула:

— Хрустальная ночь! Такой покой, такое умиротворение...

По деревне раскинулась редкая по красоте тихая лунная ночь, щедро разбросав серебро инея по деревьям, домам, огородам. Александр попытался привлечь девушку к себе, но та мягко и настойчиво отстранилась.

— Пора по домам. Когда теперь ждать тебя?

— В субботу, наверное.

— Гармошку, может, оставишь, чтоб не таскать её туда и обратно?

— А кто по дороге зайцев будет развлекать? — пошутил он. — В прошлый раз прохожу мимо скирды, что возле моста, смотрю: два косых кормятся оброненным клевером. Поравнялся с ними — отскочили в сторону, застыли столбиками, ждут, когда уйду. — При этих словах Александр привычно взял аккорд на тальянке, но Галина, схватив руками за гармошку, опередила его:

— Ночь ведь — всю деревню переполошишь!

Звучание, не набрав силы, резко оборвалось. Александр послушно застегнул меха и перекинул гармошку за плечо. Галина шутливо развернула его на пол-оборота, подтолкнула вперед и скомандовала:

— Шагом марш!

Он отчеканил несколько шагов с солдатской выправкой, развернулся, весело помахал на прощанье и споро зашагал по освещенной луной дороге.

Мысли его сами собой покатались вспять, он думал о только что проведенном вечере, о Галине. «Молодец она, мягкая в обращении, но требовательная. Другая раскисла бы, когда ласкаешь, к таким постепенно интерес пропадает, а у нее все по-другому. На людях держится в тени, а какая-то притягательная, со своим почерком».

Ему невольно вспомнились слова известной песенки:

*Я смотрю ей вслед —
Ничего в ней нет.
А я все гляжу,
Глаз не отвожу.*

Прямо-таки о Галине написано. Не зря мама о ней сказала:

— Галина — девушка с «изюминкой».

— Это как понимать? Умная, что ли, или с характером?

— Ты с ней время проводишь, вот и разгадай, — уклончиво ответила мать.

Сближение Александра и Галины началось с новогоднего вечера в колхозном клубе в прошлом году. В тот вечер девчата, выступая на сцене, были в ударе: плясали, песни пели, хоровод водили. Там Александр и заметил свою будущую подругу. Девчата на сцене преобразились до неузнаваемости, но Галя более всех — она показалась Александру особенной. Скромная в быту, на сцене — огонь: задорная, гибкая, четкая в движениях. Пела, как ему показалось, тоже как-то по-своему, душевно, с «выражением на лице», подперев щеку кулачком. Где-то он читал: «Умные люди держатся скромно» — это тоже о ней. Девчат зрители долго не отпускали со сцены, заставляя повторять почти все номера.

В тот вечер после концерта Александр прошел за сцену и простодушно выпалил:

— Галя, у тебя лучше всех получалось!

Она посмотрела на него молча. Тут Саша понял, что дал маху: ведь все девушки хорошо выступали.

— Девчата, вы такие молодцы, развлекли народ от души! — Он выхватил гармошку у штатного гармониста и сыграл туш — рассмешил всех, исправив тем свою оплошность.

За приятными воспоминаниями Александр прошел половину пути. Дорогу он знал наизусть, как говорится, прошел бы и с завязанными глазами. Помнил каждый кустик, пень, ухабину. Однако темному пятну на белом фоне у той самой скирды, что у моста, вначале не придал значения. Может, охалка сена с воза свалилась или те же зайцы опять пожировать прискакали. Приблизившись к скирде еще, он различил уже два предмета, непохожих на охалки сена и тем более на зайцев. Сомнения длились недолго: «Волки!»

Он приостановился. Первую мысль — бежать назад — отбросил сразу: от волков не убежишь! Лоси и те не всегда убегают. А чем обороняться? Он иногда брал с собой охотничий нож, но на этот раз даже палки у него при себе не было.

Армейскую службу Александр проходил в горах Киргизстана и о проделках тамошних серых хищников слышал много. Волки — умные, смелые и осторожные животные. Пищу могут успешно добывать и поодиночке, и группой, на охоте прекрасно понимают друг друга. По рассказам киргизских пастухов, они без особого труда одолевают даже лошадь. Подобраться к лошади непросто, удар копытом для волка смертельно опасен. Поэтому самый матерый из них делает к лошади молниеносный рывок, наносит по животу скользящий удар клыками и мгновенно отскакивает. После этого кинжального удара лошадь чаще всего обречена, если рядом не окажется человека. Жеребенка волк сбивает с ног в одиночку. Роль других хищников — отвлечь кобылу. Загадка: человека волк щадит! Нападает в исключительных случаях, и, как правило, виной тому сам человек. Об этом Александр тоже знал. Но знать — одно, а оказаться с волками в чистом поле и с голыми руками — совсем другое.

Сашей овладело чувство, подобное тому, какое испытывает человек, оказавшийся в закрытой клетке с хищниками. Маленькими шагами он продвигался вперед. Страх сковал способность рассуждать, он действовал интуитивно. Мелькнула мысль: «Иди, не показывая страха! Волки боятся шума, попробуй отпугнуть гармошкой».

Он заиграл самое привычное — «Семеновну», механически двигаясь к роковому месту. Оказалось, волки сидели не у самой дороги, а метрах в двенадцати в стороне.

«Как раз дистанция для разбега», — мелькнула мысль.

Гармонист поравнялся с волками, наявивая на тальянке. Для большего шума он пытался что-то подпеть, но от страха и волнения голос перехватило. Вот уже волки остались позади. Но Александр не выпускал их из бокового зрения. И вдруг хищники двинулись за ним. Он горячо зашептал: «Хана мне! О, Господи, пронеси!»

И вдруг завопил прорезавшимся голосом, продолжая играть и уже ни на что не надеясь: «Помогите!!!»

Александр чувствовал всем своим существом, как сейчас звери собьют его с ног. Голову защитят шапка и воротник, тогда волки вцепятся мертвой хваткой в ноги, разорвут живот и начнут растаскивать внутренности. Он будет корчиться от боли, еще живой и способный видеть. Такого растерзанного его увидят Галя, родные и вся деревня.

— Ну уж нет!!! — Страха как не бывало. — В гроб вашу волчью мать! Не поддамся! — заорал он страшным чужим голосом и рванул гармошку, а она в ответ с такой остревелой силой рывкнула, что хищники отскочили в сторону на несколько метров.

«Боятся или выбирают момент для нападения?..»

Александр продолжал что-то «пилить» и двигаться в сторону своей деревни. Волки трусили стороной, не отставая и не приближаясь. От обиды на нелепость ситуации у него по лицу текли слезы вперемешку с потом. Перепуганному гармонисту пришлось идти, повернув голову влево, чтобы видеть преследователей. От неестественного положения головы заломило шею.

«Задрал голову, как на параде, — с горечью подумал Александр, пробуя пятиться задом, но чуть не упал. Дорога после заносов была еще плохо наезжена. — Упаду, а им только этого и надо!» — И он перешел на нормальный шаг.

Волки по-прежнему трусили параллельным курсом, выдерживая дистанцию.

«Может, это бродячие собаки? — усомнился Александр, пытаясь получше разглядеть в лунном свете своих преследователей. — Нет, слабая надежда, хвост трубой и шея какая-то... не собачья. По ночам собаки в поле не шляются. Порядок у волков, что ли, такой: вначале поиграть с жертвой...»

От отчаяния у гармониста появился прилив энергии и потребность орать, как от нестерпимой боли. Начал петь частушки. Сколько их прокричал, неизвестно: горланил, пока не охрип. Волки продолжали трусить за ним на прежней дистанции, как на длинном поводке. «А может, им нравятся звуки гармошки?» — осенило его. Где-то Александр слышал, что волки под музыку могут подвывать. Для разнообразия заиграл вальс «Амурские волны».

Уже показалась родная деревня. Подмывало бежать, однако Александр себя урезонил: «Нет, только не беги! Собаки и те за убегающим бросаются».

Боковым зрением заметил, что «любители музыки» остановились. Один из них, задрав голову кверху, завыл, а другой хищник начал ему вторить. Саша тоже остановился. Жуткие волчьи песнопения ему приходилось слышать и раньше, но так близко — впервые.

«На вой может прибежать стая!» — Он спешно двинулся в сторону дома, не прекращая играть.

Волки оставались на месте. До деревни еще полкилометра. Саша перешел на бег трусцой, но так владеть гармоникой было трудно, и он прекратил играть вовсе. От провожатых его отделяло теперь метров двести, но вой продолжал резать уши. Александр побежал, то и дело оглядываясь. Душераздирающий дуэт продолжался. Вот гармонист уже посередине между волками и деревней. И он рванул!.. Никогда так быстро не бегал! Вся ярость и радость спасения были вложены в этот рывок! Спринтер поневоле даже не почувствовал, в какой момент с него свалилась шапка, в каком сугробе оставил один валенок.

Александр взбежал на свое крыльцо (к счастью, оно до его прихода не запиралось), быстро задвинул за собой засов и, еще не веря в свое спасение, посмотрел в окно. Вокруг было пусто и тихо. Он радостно забарабанил в дверь сеней. Мать, включив свет, открыла дверь и ахнула. Перед ней стоял взъерошенный и мокрый, возбужденный и радостный сын: без шапки, в одном валенке, но с гармошкой!

— Господи, сыне Божий!

П О Э З И Я

Сергей ХОМУТОВ

Родился в 1950 г. в Рыбинске и всю свою жизнь биографически и творчески связал с родным краем. Закончил Литературный институт им. А. М. Горького.

Стихи печатались в журналах: «Новый мир», «Наш современник», «Октябрь», «Огонек», «Молодая гвардия», «Юность», «Север», «Волга», «День и ночь», «Всерусский собор», «Россияне», «Русь», «Сельская новь» и других, а также в коллективных сборниках и альманахах, всероссийском «Дне поэзии», «Антологии русского лиризма».

За сорок лет творческой работы на счету члена Союза писателей России Сергея Хомутова более двадцати книг, вышедших в Москве, Ярославле и Рыбинске. Семь лет был главным редактором регионального литературно-исторического журнала «Русь». Заслуженный работник культуры РФ.

Превыше молитвы

* * *

В дни паденья разума и духа
Происходит роковая драма —
Совесьь,
 как бездомная старуха,
Что сидит на паперти у храма.
Даже не затем, чтобы монету
Бросили в расстеленный платочек
Здесь она,
 а чтобы звать к ответу
Сыновей потерянных и дочек.
Те — идут к иконам и причастью,
А другие — в мир выходят снова,
Да какой-то непонятной властью
Душ людских порушена основа.

* * *

Век переполнен катаклизмами,
Но сознаю с недоумением:
Бутылки помнятся не письмами, —
Другим, банальным, наполнением.

Кому писать, зачем — неведомо,
Уж лучше насладиться праздностью,
О, сколько же ее отведано
Со страстностью и безобразностью!

Всё явственнее одержимое
Безумий наших недержание,
И всё наглее содержимое
Теснит сегодня содержание.

А расслабленью всемогущему
Не надо вечного и сущего...
Коль нет послания грядущему,
То, значит, нет его, грядущего.

Знакомая картинка

Всё, как должно, в городе моем, —
На Преображенском и Бульварной;
Пусто ночью, и толкучка днем —
Рядом с территорией базарной.

Строят здесь, а рушится везде, —
Потому что подступило время,
И его не удержать в узде,
И не натянуть потуже стремя.

Улица Стоялая ведет
К Волге много лет уже привычно,
Увядает к сроку и цветет,
И, пожалуй, выглядит прилично.

Свой уклад на явленном веку, —
Принимай иль нет картину эту:
Каланча пожарная — вверху,
А в низинке — памятник поэту.

* * *

Сегодня считаю не дни я уже, а минуты.
Чтоб выбрать с десятков,
 родной побродить стороной.
Паденье листвы — это вам не паденье валюты,
Бульвары — не баррели,
 иней — не индекс дурной.

Забито сознание скоплением разного хлама,
А здесь отступает безумного мира возня.
Пусть гонятся вслед мне
 «события», «вести», «реклама»,
Всё реже и реже они настигают меня.

Дано ли укрыться от чуждого сердцу набега
Там,
 где обретет затаенный во мне человек
Паденье листвы и падение первого снега, —
С чего начинался...
 да чем и закончится век?..

* * *

Нет уже путей простых,
Легкого решения —
Книга жития святых
Ищет продолжения.
На великие слова
Отзываюсь искренно,
Русь без святости мертва, —
Это нынче истинно.

Где искать богатырей
Духа и свершения —
В глубине монастырей,
На полях сражения?
Или в дьявольской возне
Места нет небесному,
Погорело всё в огне,
Поглотилось бездною?

Только верить не хочу
В это невезение,
Перед Образом свечу
Ставлю во спасение.
Чтобы святость бытия —
Чистую, заветную —
Собрала земля моя,
Как росу рассветную.

Переделкино. Кладбище

И дышит почва и судьба.

Б. Пастернак

Идешь и ждешь таинственного знака, —
Что молнии над самой головой...
Аллея до могилы Пастернака
Покрыта увядающей травой.

Неторопливо стелется тропинка,
А может, я не тороплю шаги,
И этот миг — подобье поединка
Загробной воли и живой строки.

И, словно пламенеющие листья,
Опять нисходят на душу слова,
И вижу пред собой другую высь я,
И рядом не деревья — деревья.

Но вот она, тяжелая могила
На серой переделкинской земле, —
Нет, никакая не откроет сила
Того, что скрыто навсегда во мгле.

...Я ухожу, воображеньем выжат,
В иные строки, сроки и края,
И чувствую, что вправду почва дышит,
Да вот судьба у каждого — своя.

* * *

Бабочка, твой путь замысловат,
Ты грустна скорее, чем беспечна,
Кто в твоей печали виноват? —
Может, жизнь,
 что слишком быстротечна.
В чем-то мы, наверное, близки,
Наслаждаясь нашим кратким летом, —
Твой полет,
 он, как полет строки,
Трудно предсказуем в мире этом.
Вечное желанье горячо —
Красоту открыть в цветах
 и звездах
И хотя б на миг один еще
Зацепиться крылышком за воздух.

* * *

Дождь, и девочка, и свет,
И несбыточное что-то
Из далеких, юных лет
Проступает, как на фото.
Пахнут волосы листвой
Майской молодой березки,
Радуга над головой,
На ресницах влажных блески.
...Ветер бросил мне в лицо
Пригоршню листвы холодной.
Луж унылое кольцо.
Солнце скрылось в туче плотной.
Те же садик и скамья, —
Неужели это было,
Где ты, девочка моя?
Дождиком осенним смыло.

* * *

Зачем порывы, откровения
И жажда постиженья мне?
Быть может,
 поумерив рвения,
Жить потихоньку в стороне.

Но, вопреки скупому возрасту,
Тянусь на отдаленный свет.
Не попусту,
 совсем не попусту —
Все обретенья поздних лет.

Стихи, да музыка,
 да Пушкина
Открытый наугад листок...
Не хочется,
 чтоб век отпущенный
Я отбыл, как тюремный срок.

Владимир ПЕРЦЕВ

Родился в г. Гаврилов-Ям Ярославской области в 1963 году. Окончил Ярославское художественное училище. Член Союза российских писателей.

Лауреат областной премии им. Сурикова (2000). Автор четырех книг: «В затонах золотых» (1996), «Очнуться в сумерках зимы» (2000), «На вселенском сквозняке» (2007), «Камень немоты» (2011).

Стрела без цели

* * *

Нищим, калекой, странником в дождь,
изгнанным, пытанным, битым нещадно,
что я тебе, отпусти меня, вождь,
я только вошь, отпусти меня, ладно?!

Не ладаном пахнут, а порохом и
кровью запекшейся, потом, махоркой
эти холеные пальцы твои.
С горечью хлеб твой, вода твоя с хлоркой.

Я, как хорек, и напуган и худ,
но предпочту лизоблюдству мытарства.
Сорок Христов, Моисеев и Будд
не просветят твое сонное царство.

Все бесполезно в этой дыре.
После покойника — скромная запись.
Мрачен Спаситель в своей конуре,
распни его тело, пока он не запил.

* * *

Купите дом, вспашите целину,
разбейте парники на огороде.
Накормите себя и всю страну
и все-таки России не вернете.

Вертинского поставьте под иглу,
смакуйте Пастернака, Гумилева,
но, как хорошую актерскую игру,
Россию не вернете снова.

Она ушла в иные времена,
над ней бурьян разросся и крапива.
Мальчишки тащат с высохшего дна
оклад и проржавевшее кадило.

Морозных игрищ искристый азарт
и в сенокос звенящий шелест сена,
не сетуйте, опять не повторят.
Все кончено, идет другая смена!

Все кончено! Обмана больше нет.
Как проигравшийся в пылу азарта,
я выйду на крыльцо. Меня облепит снег.
Шестерка черных птиц в глазах стоит, как карта.

Стрела без цели

Меня пустили не всерьез.
И перья пели.
Диалектический курьез —
стрела без цели.

Свести к мишени кругозор
легко, как дунуть.
Но мой пускатель был позер,
пустил не думав.

Я в небе птицы не настиг,
не срезал лани.
Меня обставил дробовик
на поле брани.

Пропев бессмысленное «бжень»
в пространстве жизни,
войду по задницу в мишень
болотной жижи.

* * *

Надо мною висит в зените
что не взять никакой зенитке:
в своем круговом скольжении
нацеленный ангел слежения.
Я хожу, как чеченец в бурке,
отливаю под домом бункер,
маскируюсь в толпе, в народе.
Не спеша он прицел наводит.
Ни к чему всемирная перепись,
он лучом копается в черепе.
Знает точно, знает наверное
все мысли мои сокровенные.
Достает меня сквозь бетоны.
Я в списке его многотомном
помечен крестиком, знаком.
Поставлен, как фишка, на кон.
Не проклят и не наказан,
а просто кем-то заказан.

* * *

Нам тесно вместе, нам душно в комнатах,
в доме просторном, как в катакомбах.

Мы спорим, тычем друг другу фактики.
Мы посинели, как два инфартника.

Вот на крылечко, как в воду, сунемся.
Цветут сирени и грозы в сумерках.

Шумит березами, свистит беспечно
июнь сиреневый, скоротечный.

Промчится скоро веселым поездом,
тогда опомнимся.

* * *

Пережидаю дни. Нагие
мальчишки бродят у воды.
И ослепительны пруды.
И все желания благие.

Безвременье, затишье. Сонно.
Еще не определено
судьбы суконное руно
моей под этим жгучим солнцем.

Швыряю камешки наотмашь.
Мы оба были дураки!
Соскочат в воду рыбаки
и лодку вытянут на отмель.

Всплеск оглушительный, как бубен.
Нырнуть и мне, пустить круги?
Июль, стрекозы, рыбаки.
Проходят дни, других не будет.

Старая пластинка

Бархатный голос с трещинкой скола,
шум проливной
падает в полночь, как бешеный скорый
из жизни иной.

Кто закрутил эту черную память
с дыркой внутри?
К дальнему центру падать и падать,
слезы утри.

Прошлого распри ничем не исправить,
врать не с руки.
Кружит, как коршун, черная память,
уже круги!

* * *

Ведро кидаю я в колодец.
Но, прорывая толщу вод,
оно уходит, словно лот,
лишь ворот крыльями колотит.

Лечу, я брошен сам куда-то.
Собою измеряю путь.
Господь, освободи от пут!
Господь, не отпусти каната!

Камень немоты

Когда взывает плоть
и толпы вечно правы,
немотствует Господь
и затихают травы.

И кто же виноват,
что вижу лишь одно —
космический квадрат
в раскрытое окно?!

Темны мои скиты
и сам я как калека,
осколок немоты
от каменного века.

Как вытоптаный плац —
бесплоден и беспорен.
Как пытаный паяц —
навекі успокоен.

Несется монолит
в космическую ночь.
И некого молить.
И некому помочь.

Я — камень немоты,
я сам себе основа,
когда из темноты
вымучиваю слово.

* * *

Такая глушь, что хлеба не достать.
Но тихо, хорошо. Печаль такая,
переходящая порою в благодать,
что плакать хочется; часов не замечая,
томиться неизбывной красотой
пустынейшего в мире поселения,
ненужнейшего, на краю забвенья,
где сложность чувства с внешней простотой
соединил июль и маревом укрыл.

Ольга КОРОБКОВА

Родилась в 1975 году в Рыбинске. Работала корреспондентом, диктором на радио. Поэт, член Союза российских писателей. Публикуется в периодических изданиях «Дети Ра», «День и ночь», «Пролог» и др. Автор книги стихов «После игры» (2002).

«Своими именами назовутся»

* * *

Мне снилось наше нежное прощанье —
доверчивое, полное печали, —
всё то, что не случилось наяву...
Во сне всё открывается иначе —
в ином регистре, зазеркально-ясно,
с последней и прекрасной прямоюй.
Своими именами назовутся
все таинства, все дружбы и любви,
сияние усилится — и вот
мы снова рядом, нам пора прощаться —
без яда, без обиды, без надежды,
с улыбками на высохших губах.
Сквозь сон я знаю: самое большое,
что Бог даёт участникам разлуки, —
светлейшее прощанье навсегда.

* * *

Как хорошо быть гостьей на вокзале:
не провожать, не ехать, не встречать,
не торопиться, не сбивать дыханье,
минуты не считать, потом — секунды,
до хруста рук прощального объятия,
до горечи слепого поцелуя...

Смотреть с весельем на чужую радость
и с грустью — на чужое горе, но —
но не участвовать ни в чем, ни в чем,
а в ком-то — если только посторонне...

И налегке, вертя ключи на пальце,
стоять, читать про легкость бытия,
которую нести не тяжелее,
чем летнюю дорожную суму...

И на своих двоих на все четыре
идти, когда захочется уйти,
беречь свою свободу-безбилетность
и не желать счастливого пути
ни близким, ни себе, ни alter ego...

Немного стыдно добрых пассажиров,
которых я немного предаю
своей непринадлежностью к их братству,
и сестринству, и прочему родству...

Но кто же я сейчас?.. Я просто вещь,
что Бог оставил в камере хранения.
Я не забыта, я в Его руке —
вот-вот...

* * *

Тоненькие побеги
родительской яблони.
Маленькие человеки,
смиранные чудеса.
Глазенки чистой воды,
проточной голубизны,
нездешние. Хотя все по местам...

Дом священника. Стол в саду,
скамейка. Собрались вокруг,
изучают, глядят нестерпимо-ясно.

На коленках — пятна зеленки:
зеленый свет в светофоре времени...
Перемигнет не скоро.
Старшему — десять лет.
Четыре девочки и мальчик Андрейка.
Дети батюшки Дионисия.
Июльский зной, ледяное ведро, железная кружка.
Какой там век за калиткой сада?..
У батюшки звонит сотовый.
Что ж — свои дела, все нормально...

Здесь светло и в тени.
Дети медленно улыбаются,
подбираются ближе, рассказывают,
как играли в прятки под яблоней...
...А завтра — гуськом придут в храм,
станут поближе к налою,
кто-то взберется на лестницу,
что ведет к церковному хору...
Вот они — домовята
Божьего дома.

Птичий человек

Памяти поэта Василия Галюдкина

«Птичий человек» — назвала его моя жена после того как Вася в первый раз провел несколько часов на нашей ярославской кухне. Помните, у Тарковского: говорили, что в обличье у поэта нечто птичье? Это о Мандельштаме. Но «птица», каким виделся поэт-мученик современникам, и «птичий человек» — не совсем одно и то же. Да и много ли общего у Галюдкина с Мандельштамом? Сами собой напрашиваются параллели с Есениным и крестьянскими поэтами, с Рубцовым — именно в русле этой традиции и

жил — не только писал, но и жил — Галюдкин; и его стихи, и его жизнь — раскрытие того же мифа о русском поэте из глубинки, непременно пьющем и неблагополучном, заканчивающем, как правило, трагически.

*Поминаю братьев в вино,
Поднимаю последнюю кружку.
Жизнь Васильева — собственный дом.
Лукина — областная психушка.
Костя, Костя, распятый Сергей
Не видал свои книжки при жизни.
Вы погибли — и рыночный зверь
Вашей кровью торгует в Отчизне.
Что сказать тебе, бедная Родина?
Чтоб поэтом читаемым стать,
Надо пьяным, голодным, чуть тронутым
Прописаться в эфир и печать.*

Но вот что любопытно: заносчивый Мандельштам, тосковавший по мировой культуре и презиравший литературный официоз, называвший его не иначе как мразью, дружил с очень немногими, и среди

этих очень немногих был Сергей Клычков. Последний как-то заметил: «Мозги у вас, Осип Эмильевич, все-таки еврейские». Мандельштам согласился: «Да, но стихи — русские». И Клычков это с радостью подтвердил.

Так вот о сходстве-различии: во всех поэтах, какими бы разными они ни были, есть «нечто птичье»: легкость на подъем, хрупкость какая-то, неотмирность. Дети неба. Все они, какими бы ни были и как бы ни выстраивались их отношения с «большими системами», государством и его институциями, — все они «не от мира» сего. Даже старик Державин, дослужившийся до министра, сделавший блистательную карьеру, начав с подавления Пугачевского бунта. Пегас — крылатый конь и потому тоже скорее птица, чем конь. Поэты не столько ходят по земле, сколько парят, за что и расплачиваются в полной мере.

*Грех к душе, а грязь к подошвам липнет.
Заболит душа, подошва скрипнет! —
Это я к святым местам России
От дорог накатанных бреду...
Не цветы — а стрелянные гильзы.
Не трава — лишь стрелы на беду.
Прохоровка, поле Куликово,
Кабаки, базары, монастырь,
Обелиск, сарайчик пустяковый,
Памятники, площади, пустырь —
Это все, чем я неизлечимо
Болен так, что не простят мой грех,
Грех бродяги — нет почетной чина
Для моих владык — дорожных вех...*

Самый запомнившийся эпизод: везу как-то Василия на такси в наркологическую больницу (других вариантов нет); подъезжаем, и тут он вдруг начинает упираться: не пойду и все! Пришлось вытаскивать силой, что было сделать легко, даже слишком легко. Эта-то легкость и поразила: я сгреб не человека — птичье тельце... Он был почти бесплотен, невесом: маленький, худющий, в больших очках... Да и сам себя он, похоже, ощущал птицей:

*Скоро, скоро грачи до рассвета проснутся,
Голоса их сольются с молитвой...
Господь,
Горсть монет положу я в церковное блюдо...
И уйду! И проснется крылатая плоть!*

Одно время Вася жил при монастыре, а еще — при каком-то из сельских приходов, но — уходил, улетал на волю: золотая, а клетка...

Пересказывать стихи — дело бессмысленное, ненужное и неблагодарное, но, вероятно, кто-то из присутствующих вспомнит, а еще лучше прочитает стихотворение про таракана, с которым поэт, лежа в наркологии, делится хлебом — подкармливает, видя родство. Рефреном звучит строка «Всякое дыханье хвалит Бога». Найдите, прочтите. Поэт и таракан... Платон предлагал гнать стихотворцев из своего идеально соответствующего мирозданию Полиса — современный Город решил «птичий вопрос» ци-

визованно: никто никого никуда не гонит; приспособляйся, адаптируйся к дусту идеологии успеха или — или прав у тебя не больше, чем у таракана, и перспективы — те же. В современном социуме «заслуженные деятели культуры» могут, например, проливать слезы об участи бездомных собак, но не «птичьих людей». О государстве и говорить не приходится: какие там поэты, когда не нужны ни русский балет, ни виртуозы-исполнители, ни художники — никто и ничто живое? Мутировавшему царству хама нужно лишь бабло и только бабло — сегодня, сейчас. А после нас — хоть потоп; только бабки — как желуди роющей корни дуба свинье из басни, но это — другая тема.

*Хорошо, что тут ветки шиповника.
Хорошо, что тут капли дождей.
Хорошо, что тут нету чиновников,
И господ, и рабов, и вождей.*

Одно время я устроил Васю на работу в «Ярославские епархиальные ведомости» — из этой благотворительной акции по понятным причинам ничего не получилось, но какое-то время Вася держался. Писать он, насколько помню, так ничего и не написал — писать он мог только стихи, — но как-то помогал, числился, всегда был в костюме и при галстукке. Когда запивал и вдруг видел издали меня идущим навстречу, переходил на другую сторону улицы и нырял в первую подвернувшуюся подворотню. При этом — те же костюм и галстук, вообще никогда я не видел его неопрятным. Достоинство. «Пускай я умру под забором как пес», но — при галстукке.

В моем ярославском архиве («не надо заводить архивов» — сами заведутся) есть несколько его писем, написанных из психушки — его почти постоянного места жительства. Другим была рабочая общага неподалеку от моей квартиры: это соседство было, что называется, промыслительным — несколько раз удалось вытянуть Васю из непростых ситуаций, чреватых вызовом санитаров и / или милиции.

*С потолка штукатурка слетает на кожу,
И ржавеют головки гвоздей на стене!
Криминальное время. Бандитские рожки.
Воровские набеги. Отчизна в дерьме.
Я живу в комнатухе губернской общаги.
Я в обносках брожу по российской земле.
Пью вино от тоски. На листочках бумаги
Я стихи болевые слагаю во мгле.
Я бы умер давно: стихолюбцы России,
Как мышонка от кошки, спасают мой дар.
Штукатурка летит. Пол трещит...
И косые
Облысевшие стены общаги, кошмар...*

С моим переездом в Москву наше общение прервалось, но Ярославль для меня неизменно связан с «птичьим человеком» — птичкой-невеличкой в очках, особенно огромных на его исхудалом лице. Общались мы в основном на ходу, на бегу, на лету, делая посадки в парках (обычно — осенних) с бутылкой или банкой пива — двумя или одной на двоих, иногда — в дешевых кафе. Литинститут, где он учился в семинаре Юрия Куз-

нецова, «наши бараны», русская классика, ну и, конечно, Россия — обычный набор тем провинциальных «русских мальчиков» (одному под, другому за сорок), потершихся в столице, но не прижившихся в ней. Новой эпохе такие «птицы» были не нужны, мы это знали; точкой опоры была Церковь и поэзия — и для меня, и для него, но в разных пропорциях.

*И башни монастырские, и речка,
И храм пророка твоего, Господь!
Умру — душа моя вольется в вечность.
Умру — войдет в суглинок моя плоть.
Там не увижу ржавого железа,
Творцов помойных ям, тюремных крыш,
Печатей, паспортов, квитанций ДЭЗа...
Умру, Господь, и Ты меня простишь?*

Последняя наша встреча — в декабре 2003-го: ко мне приехал Иван Жданов, живой классик авангарда последнего двадцатилетия канувшего в Лету века; три, как минимум, дня читали стихи, скажем так. Запомнилось из тех дней утро в продуктовом магазине — утро моего дня: нищий Вася решил сделать мне подарок — фляжку коньяка, и — сделал, как я ни протестовал, убедив меня, что так надо, что не такой уж горький он пропойца, чтобы не купить другу коньяк на день рождения.

И вот Васи нет — нет здесь, что не значит — нет среди нас (сейчас, когда пишу эти строки, ощущаю его присутствие, вижу его, птичьего человека, в очках и в костюме). Останется ли он в истории русской изящной словесности — вопрос праздный и в данном случае неуместный, но отвечу: останется. Евтушенко, когда-то покровительствовавший Васе, включил его стихи в свои «Строфы века», что-то о нем написав (нет под рукой, а то бы процитировал). Будет ли востребован «племенем младым, незнакомым» — не берусь судить, кто его знает, это племя, на что оно западет, на какие раритеты, какого воздуха захочет, устав от отравленного и отравляемого все больше... Да и не суть важно — особенно ему теперь.

*Горит звезда над Заполярным пирсом.
В заливе Кольском дремлют корабли.
Зачем я жил? Писал стихи? Родился?
И ждал добра от горестной земли?*

Не могу отделаться от мысли, что там, куда он ушел, все поэты видят друг друга и, естественно, что-то друг другу читают, не исключено, что и выпивают точно так же, как здесь, на земле, но что и сколько — загадка. Вообще что мы знаем о том, что там? Одни намеки, аллегории, иносказания... Тропы. Но почему-то не возникает сомнения, что все птицы — там, на зимовье, — собраны в одну стаю и ждут весны, когда вернутся — на новую землю под новым небом.

У Васи в одном из самых, а может, самом пронзительно-исповедальном его стихотворении есть такая строка:

Отобрали перо и бумагу— вот ад.

Там у него перо и бумагу — единственное, что было у него в здешней жизни, — уверен, не отобрали. Не посмели. Не попустил Господь. Ведь как Василию без пера и бумаги?

Господь — милосерд. А значит, если есть перо и бумага, ты — в своем птичьем раю, птичий человек, птичья душа. Остальное — так ли уж важно?

*Стихи и звезды остаются,
А остальное — все равно, —*

сказал другой поэт, пивший горькую в «лучезарном небе над Ниццей», в «богомерзском Йере» и умерший в доме для престарелых (роскошном по сравнению с нашими). Остается то, что над временем, над его все уносящей в своем течении рекой. Стихи и звезды. Любовь, что их зажигает и движет. И все остальное живо лишь этой любовью, причастностью ей. А значит — тоже остается. В стихах, в музыке, в красках, камне, в той памяти, которая не скудеет, не истощается, как наша человеческая память. Вечная тебе память, птичий человек.

Константин КРАВЦОВ,
член Союза российских писателей